

Научная статья

УДК 81-13:81'42

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.17202>

EDN: <https://elibrary/DFLHLF>

ДИСКУРСИВНАЯ АСИММЕТРИЯ НЕМЕЦКИХ ЭТНОНИМНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ *DEUTSCH* И *RUSSISCH* (КОРПУСНО-СТАТИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ДИХОТОМИИ «СВОЙ / ЧУЖОЙ»)

В.М. Глушак

Московский государственный институт международных отношений (МГИМО),
Москва, Российская Федерация

 glushakvm@mail.ru

Аннотация. Этнонимные прилагательные в немецкоязычном дискурсе выполняют ключевую роль в конструировании дихотомии «свой / чужой», однако количественные различия в дискурсивной репрезентации прилагательных *deutsch* и *russisch* остаются недостаточно изученными. Цель работы – выявить и объяснить дискурсивную асимметрию распределения квалиа-ролей (формальной, конститутивной, телической, агентивной) у этнонимных прилагательных в немецких текстах за период 1900–2025 гг. Материалом послужили подкорпусы DWDS-Kernkorpus и Gegenwartskorpora mit freiem Zugang немецкого текстового открытого корпуса DWDS. Исследование проводилось с использованием трех корпусных инструментов для извлечения устойчивых коллокаций, диахронического анализа сочетаемости и отслеживания частотности коллокатов во времени. Коллокаты классифицировались по доминирующему типу квалиа на основе семантики определяемого существительного. В результате анализа обнаружена устойчивая асимметрия в распределении квалиа-ролей между двумя прилагательными на всем протяжении исследуемого периода. Для *deutsch* доминируют агентивная и телическая квалиа, тогда как для *russisch* – формальная и конститутивная. Более того, диахронический анализ показывает, что квалиа-структура обоих прилагательных претерпевает значительные изменения в периоды исторических катастроф и геополитических сдвигов. Так, квалиа-структура *deutsch* кардинально меняется после 1945 г. (рост телической квалиа, связанной с «немецким вопросом») и в 1990 г. (переориентация на европейскую интеграцию), а для *russisch* ключевыми точками бифуркации становятся 1917 г., 1930–1950 гг., 2014 г. и 2022 г. (доминирование негативной телической квалиа). Установлено, что частотность употребления *russisch* достигает беспрецедентных значений в последние годы. Выявленная асимметрия отражает глубинные дискурсивные механизмы конструирования «своего» и «чужого» в немецком языковом сознании: «свой» этнос описывается через агентность и институциональность, «чужой» – через объектность, эссенциализацию и телесность. Вклад автора заключается в заполнении лакуны в теории генеративной лексики (применение квалиа-структур к анализу прилагательных, а не только существительных), а также в количественном подтверждении устойчивости дискурсивных паттернов на материале немецкого языка.

Ключевые слова: этнонимные прилагательные, квалиа-структура, дискурсивная асимметрия, дихотомия «свой/чужой», корпусная лингвистика, диахронический анализ.

Для цитирования: Глушак В.М. Дискурсивная асимметрия этнонимных прилагательных *deutsch* и *russisch* (корпусно-статистическое исследование дихотомии «свой/чужой») // Terra Linguistica. 2026. Т. 17. № 2. С. 24–41. DOI: 10.18721/JHSS.17202

Research article

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.17202>

DISCURSIVE ASYMMETRY OF THE GERMAN ETHNONYMIC ADJECTIVES *DEUTSCH* AND *RUSSISCH* (A CORPUS-BASED STATISTICAL STUDY OF THE SELF / OTHER DICHOTOMY)

V.M. Glushak

Moscow State Institute of International Relation (MGIMO University),
Moscow, Russian Federation

 glushakvm@mail.ru

Abstract. Ethnonymic adjectives in German-language discourse play a key role in constructing self/other dichotomy; however, the quantitative differences in the discursive representation of the adjectives *Deutsch* and *Russisch* remain insufficiently studied. The aim of this study is to identify and explain the discursive asymmetry in the distribution of qualia roles (formal, constitutive, telic, agentive) of ethnonymic adjectives in German texts from 1900 to 2025. The material comprises the DWDS-Kernkorpus and the Gegenwartskorpora mit freiem Zugang subcorpora of the German DWDS open text corpus. The study employs three corpus tools for extracting stable collocations, diachronic collocation analysis, and tracking collocate frequency over time. Collocates were classified by dominant qualia type based on the semantics of the modified noun. The analysis reveals a stable asymmetry in the distribution of qualia roles between the two adjectives throughout the entire period under study. For *Deutsch*, agentive and telic qualia dominate, whereas for *Russisch*, formal and constitutive qualia prevail. Furthermore, diachronic analysis shows that the qualia structure of both adjectives undergoes significant changes during periods of historical catastrophes and geopolitical shifts. Specifically, the qualia structure of *Deutsch* changes radically after 1945 (an increase in telic qualia related to the “German question”) and in 1990 (a reorientation toward European integration), while for *Russisch* the key bifurcation points are 1917, 1930–1950, 2014, and 2022 (dominance of negative telic qualia). It has been established that the frequency of *Russisch* reaches unprecedented levels in recent years. The identified asymmetry reflects deep discursive mechanisms for constructing “self” and “other” in German linguistic consciousness: the “self” is described through agency and institutionality, while the “other” is described through objectification, essentialization, and corporeality. The author’s contribution lies in filling a gap in generative lexicon theory (applying qualia structures to the analysis of adjectives rather than nouns only), as well as in the quantitative confirmation of the stability of discursive patterns using German-language material.

Keywords: ethnonymic adjectives, qualia structure, discursive asymmetry, self/other dichotomy, corpus linguistics, diachronic analysis.

Citation: Glushak V.M. Discursive Asymmetry of the Ethnonymic German Adjectives *Deutsch* and *Russisch* (A Corpus-based Statistical Study of the Self/Other Dichotomy), *Terra Linguistica*, 17 (2) (2026) 24–41. DOI: 10.18721/JHSS.17202

Введение

Этнонимные прилагательные представляют собой уникальный класс лексических единиц, функционирующих на пересечении языка, культуры и социальной идентичности. В различных дискурсах, в том числе немецкоязычном, они маркируют границу между «своим» и «чужим» [1, с. 134] и несут значительную идеологическую нагрузку. Под немецкоязычным дискурсом в настоящем исследовании понимается совокупность письменных текстов на немецком языке, входящих в корпус DWDS (Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache), которая включает художественную литературу, газеты, научные и практико-ориентированные жанры, отражающие коммуникативные практики носителей немецкого языка в период 1900–2025 гг. Положение об идеологической нагрузке особенно релевантно для сопоставительного анализа двух этнонимов, один из которых маркирует «свою», а другой – «чужую» этническую группу в дискурсе.

Прежде чем перейти к анализу конкретных этнонимов, необходимо уточнить теоретическое понятие, лежащее в основе настоящего исследования. Дискурсивная асимметрия лексических единиц представляет собой устойчивое несоответствие между семантическим потенциалом слова (словарным значением и внутренней формой) и его фактической реализацией в конкретном дискурсивном пространстве, где под влиянием прагматических, идеологических и когнитивных факторов происходит сужение, расширение либо радикальная трансформация исходного значения. Иными словами, одна и та же лексическая единица приобретает разные, асимметричные смыслы, коннотации или прагматический потенциал при функционировании в различных дискурсах (например, в немецкоязычном vs. русскоязычном, научном vs. публицистическом). Эта асимметрия возникает не из-за различий в словарных дефинициях, а как результат систематического «дискурсивного наложения», когда контекст употребления, идеологическая рамка или культурно-специфические коммуникативные практики изменяют восприятие слова. Она проявляется в расхождениях на уровне сочетаемости, лексико-семантических полей и ассоциативных связей, что может приводить к коммуникативным неудачам при межкультурном взаимодействии и искажению смысла при переводе, создавая ложный когнитивный изоморфизм, когда участники коммуникации ошибочно полагают, что вкладывают одинаковый смысл в используемые слова [2–4]. Как отмечают Э. Эванс и М. Грин в фундаментальном труде по когнитивной лингвистике, подобная асимметрия коренится в различных концептуальных системах, где одно и то же языковое выражение может активировать несовместимые когнитивные модели [5].

Как показали исследования последних лет, такая асимметрия особенно ярко проявляется в политическом дискурсе, где одни и те же ключевые лексемы, например в английском и немецком медиапространствах, получают противоположные коннотации [6]. Аналогичные выводы были получены при анализе экологической лексики в китайском и западноевропейском дискурсах [7]. В юридической сфере, например, лексическая единица *разумность* функционирует асимметрично в законодательном и судебном дискурсах [8] (см. также обсуждение языковой асимметрии в праве: [9]), а в межкультурной коммуникации эмотивная лексика при переводе новостных текстов теряет или меняет свой прагматический заряд [10]. Кроме того, описана асимметрия на уровне лексической объективации одного и того же понятия в разных профессиональных дискурсивных сообществах, которое получает разные языковые ярлыки, что создает иллюзию семантической эквивалентности при полном расхождении дискурсивных практик их употребления [11]. В настоящем исследовании понятие дискурсивной асимметрии получает дальнейшее развитие применительно к этнонимным прилагательным *deutsch* и *russisch* в немецком языке, где асимметрия проявляется не на уровне отдельных контекстов, а как системное, статистически устойчивое различие в распределении квалиа-ролей на протяжении 125 лет.

Выбор временного диапазона 1900–2025 гг. в настоящем исследовании обусловлен несколькими факторами. Во-первых, этот период охватывает ключевые исторические события, определившие современные облики Германии и России, а также их взаимоотношения: Первую мировую войну (1914–1918), революцию в России (1917), Веймарскую республику (1919–1933), национал-социализм и Вторую мировую войну (1933–1945), разделение Германии и холодную войну (1949–1989), объединение Германии (1990), распад СССР (1991), развитие энергетического партнерства (2000–2013), события на Украине (после 2014) и вооруженный конфликт на Украине (начиная с 2022). Во-вторых, именно в XX в. формируются многие стереотипы и дискурсивные модели, которые продолжают функционировать и сегодня.

Теоретическую рамку настоящего исследования составляет теория генеративного лексикона Дж. Пустейовского, центральным понятием которой является квалиа-структура (*qualia structure*) [12]. Квалиа-структура описывает различные аспекты знания об объекте, обозначаемом словом. Как отмечает исследователь, это знание дифференциально активируется контекстом.

Различные контекстуальные факторы могут активировать разные компоненты квалиа-структуры, что дает возможность объяснять феномен лексической многозначности. Квалиа-структуры содержат четыре вида аргументных структур с переменными, специфицирующими различные виды ролей, или квалиа [12, с. 76]. Конститутивная роль представляет отличительные свойства объекта, воспринимаемые органами чувств, т.е. из каких составных частей, из какого материала он состоит. Телическая роль описывает назначение, цель или функцию объекта. Агентивная роль репрезентирует факторы, связанные с происхождением или созданием объекта, включая информацию о том, кем и как объект был создан [12].

В современных семантических исследованиях отмечается заметный рост применения авторами методов компьютерной лингвистики и машинного обучения для автоматической интерпретации и классификации оценочных значений лексем (см., например, [13; 14]), в том числе в дискурсивном окружении (см., например, [15]). Использование в настоящем исследовании корпусных инструментов Wortprofil, DiaCollo и Verlaufskurven, предлагаемых DWDS, непосредственно обусловлено задачами анализа квалиа-структуры: Wortprofil позволяет извлечь статистически значимые коллокации, которые репрезентируют типичные для каждого прилагательного квалиа-роли; DiaCollo обеспечивает диахроническое отслеживание сдвигов в распределении этих ролей; Verlaufskurven дает возможность связать частотные пики с историческими переломами, активизирующими разные типы квалиа.

Применительно к этнонимным прилагательным, выступающим в роли коллокаторов (определений) к именам существительным, использование учения Дж. Пустейовского о квалиа-структуре позволяет систематизировать типы приписываемых этносу характеристик. К.В. Шевякова в своем исследовании глубинных значений этнонимных прилагательных показывает, что традиционные методы исследования могут быть недостаточными для распознавания значений в структуре полисемичного слова [16]. В литературе отмечается, что этнонимные прилагательные *deutsch* и *russisch* могут выполнять до четырех ролей квалиа-структуры [16, с. 2174–2177; 17, с. 22]. Важно отметить, что одно и то же словосочетание может в разных контекстах активировать разные квалиа-роли. Например, *russischer Winter* в период 1900–1917 гг. активировал преимущественно формальную роль (описание климата), в период 1940–1945 гг. – телическую роль (зима как враг, угроза), а в период 1950–1990 гг. – конститутивную роль (зима как сущностное свойство России, часть ее «души»).

Цель настоящего исследования – выявить и объяснить дискурсивную асимметрию в репрезентации этнонимных прилагательных *deutsch* и *russisch* в немецкоязычном дискурсе 1900–2025 гг. через призму их квалиа-структур (формальной, конститутивной, телической, агентивной) с использованием количественных методов корпусной лингвистики.

Материал и методология

Исследование проведено на материале двух подкорпусов электронного текстового корпуса DWDS, охватывающего период 1900–2025 гг. Подкорпус DWDS-Kernkorpus содержит тексты за период 1900–1999 гг. и включает четыре жанровые категории: Belletristik (художественная литература), Zeitung (газеты), Wissenschaft (научные тексты), Gebrauchsliteratur (практическая литература). Общий объем составляет 120 млн токенов. Для периода 2000–2025 гг. использован подкорпус DWDS Gegenwartskorpora mit freiem Zugang общим объемом около 3 млрд словоупотреблений.

Выбор названных выше корпусов для настоящего исследования обусловлен следующими факторами: во-первых, хронологический охват, что позволяет проследить динамику на протяжении 125 лет и дает возможность выявить долгосрочные тренды и переломные моменты; во-вторых, репрезентативность корпусов, охватывающих широкий спектр жанров от художественной литературы до газет и блогов, что обеспечивает сбалансированность данных; в-третьих, доступность,

так как отсутствуют ограничения доступа ко всем инструментам анализа, что обеспечивает воспроизводимость результатов; в-четвертых, проведенная лемматизация и морфосинтаксическое аннотирование корпусов, что позволяет проводить сложные лингвистические запросы.

Хронологическое структурирование проводилось двумя способами: во-первых, по десятилетиям для равномерного статистического сравнения; во-вторых, по историческим эпохам, значимым для Германии (при анализе *deutsch*) и для России (при анализе *russisch*), что позволило учесть различную событийную динамику двух стран. При этом главенствующую роль играет германская политическая и медийная конъюнктура, поскольку исследование базируется на немецкоязычном материале: ключевые точки бифуркации для *deutsch* (1945, 1990) связаны с историей Германии, а для *russisch* выделяются те события, которые получили наибольший резонанс именно в немецком дискурсе (1917, 2014, 2022).

Для систематического анализа этнонимных прилагательных *deutsch* и *russisch* была разработана следующая процедура. На первом этапе проводилась экстракция 100 наиболее частотных коллокатов с прилагательными из каждого десятилетия с помощью корпусных инструментов Wortprofil, DiaCollo, Verlaufskurven. После автоматической экстракции 100 наиболее частотных коллокатов для каждого десятилетия проводился качественный контекстно-семантический анализ каждого случая для уточнения доминирующей квалиа-роли, что позволило избежать механического приписывания типа на основе изолированной леммы. Привлечение частотных коллокатов является достаточным для анализа квалиа-структуры, поскольку именно в устойчивых атрибутивных сочетаниях наиболее полно и регулярно проявляются те или иные компоненты значения этнонимного прилагательного [16; 17]. Коллокаты извлекались в рамках окна ± 3 позиции от целевого прилагательного с использованием logDice в качестве меры ассоциации. Как отмечают П. Бейкер и соавторы в глоссарии по корпусной лингвистике, logDice считается более надежной мерой для сравнения коллокаций из корпусов разного объема, чем, например, MI-score¹.

На втором этапе осуществлялась классификация каждого коллоката по доминирующей квалиа на основе семантики определяемого существительного и с обязательным контекстно-семантическим анализом примера из корпуса. Также проводился статистический анализ распределения типов квалиа в процентах для каждого десятилетия и для всего периода в целом и выявлялись значимые различия между дискурсивными функциями прилагательных *deutsch* и *russisch*.

На третьем этапе с помощью инструмента DiaCollo исследовались диахронические изменения квалиа-структуры этнонимных прилагательных.

На четвертом этапе был задействован корпусный инструмент Verlaufskurven, благодаря которому проводился частотный анализ динамики употребления этнонимных прилагательных в разные исторические периоды.

Результаты исследования и интерпретация

Распределение ролей квалиа-структуры

Агентивная квалиа, указывающая на происхождение, принадлежность к государству или национальную идентичность, демонстрирует ярко выраженную асимметрию. У прилагательного *deutsch* она доминирует, составляя 42% от общего числа коллокатов, тогда как у *russisch* занимает лишь третье место с показателем 22%. Типичные агентивные коллокаты *deutsch* включают *deutsche Regierung* («немецкое правительство», logDice 11,4), *deutsche Bevölkerung* («немецкое население», logDice 11,1), *deutsche Bürger* («немецкие граждане», logDice 10,8), *deutscher Staat* («немецкое государство», logDice 10,6), *deutsche Wirtschaft* («немецкая экономика», logDice 10,4). В современных корпусах наблюдается рост коллокатов, связанных с экономической сферой:

¹ Baker P., Hardie A., McEnery T.A Glossary of Corpus Linguistics. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006. 187 p.

deutsche Unternehmen («немецкие предприятия»), *deutsche Industrie* («немецкая промышленность»), *deutsche Banken* («немецкие банки»).

Для прилагательного *russisch* типичными агентивными коллокатами выступают *russische Armee* («русская армия», logDice 10,9), *russischer Präsident* («русский президент», logDice 10,6), *russische Regierung* («русское правительство», logDice 10,3), *russischer Staat* («русское государство», logDice 10,0), *russische Wirtschaft* («русская экономика», logDice 9,7).

Диахронически эволюция агентивной квалиа также различается. Для *deutsch* в период Германской империи (1900–1918) типичными коллокатами были *Kaiser* («кайзер»), *Reich* («империя»), *Armee* («армия»), *Marine* («военно-морской флот»); в Веймарской республике (1919–1932) – *Republik* («республика»), *Verfassung* («конституция»), *Volk* («народ»), *Parlament* («парламент»); в период национал-социализма (1933–1945) – *Volk* («народ»), *Führer* («фюрер»), *Rasse* («раса»), *Nation* («нация»), *Reich* («государство»); в период разделения (1945–1989) – *Bundesrepublik* («Федеративная Республика»), *DDR* («ГДР»), *Wirtschaft* («экономика»); после объединения (1990–2025) – *Regierung* («правительство»), *Bürger* («граждане»), *Unternehmen* («предприятия»), *Wirtschaft* («экономика»). Для *russisch* в период Российской империи (1900–1917) типичными были *Zar* («царь»), *Reich* («империя»), *Hof* («двор»), *Kosaken* («казаки»), *Adel* («дворянство»), *Armee* («армия»); в период революции и Гражданской войны (1917–1930) – *Revolution* («революция»), *Bolschewismus* («большевизм»), *Sowjet* («совет»), *Kommunismus* («коммунизм»), *Lenin* («Ленин»); в период сталинизма и Второй мировой войны (1930–1950) – *Armee* («армия»), *Stalin* («Сталин»), *Partei* («партия»); в период холодной войны (1950–1989) – *Sowjetunion* («Советский Союз»), *Partei* («партия»), *Staat* («государство»); в постсоветский период (1990–2025) – *Präsident* («президент»), *Putin* («Путин»), *Regierung* («правительство»), *Wirtschaft* («экономика»). Таким образом, если агентивная квалиа *deutsch* постепенно смещается от монархических и диктаторских институтов к демократическим и экономическим, то агентивная квалиа *russisch* сохраняет персонализированный характер, фокусируясь на правителях и силовых структурах.

Конститутивная квалиа, указывающая на внутренние, сущностные характеристики этноса, обнаруживает наиболее яркую дискурсивную асимметрию. *Russisch* приписываются эмоционально-ментальные качества (34% коллокатов), тогда как *deutsch* – деятельностно-нормативные (18% коллокатов). Конститутивные коллокаты с *russisch* относятся почти исключительно к эмоционально-ментальной сфере. *Russische Seele* («русская душа») – один из наиболее устойчивых и частотных коллокатов на протяжении всего XX в., особенно в 1950–1990 гг. (logDice 11,2), например, *russische Melancholie* («русская меланхолия») демонстрирует высокую частотность в 1960–1980 гг. (logDice 10,5). Как показала А. Вежбицкая в кросс-культурном анализе ключевых слов, понятие «душа» в русском языковом сознании обладает уникальной семантической плотностью, не имеющей прямых эквивалентов в западноевропейских языках [18]. *Russische Gastfreundschaft* («русское гостеприимство») представляет собой позитивный конститутивный коллокат. *Russische Mentalität* («русский менталитет») набирает частотность в XXI в. (logDice 9,8). Особого внимания заслуживает коллокат *russischer Winter* («русская зима»), который в разные периоды активизирует различные квалиа-роли: в 1900–1917 гг. – формальную (описание климата), в 1940–1945 гг. – телическую (зима как враг, угроза), а в 1950–1990 гг. – конститутивную (зима как сущностное свойство России, часть ее «души»).

Конститутивные коллокаты с *deutsch*, напротив, относятся к деятельностно-нормативной сфере. *Deutsche Gründlichkeit* («немецкая основательность») имеет высокую частотность (logDice 10,8) и характеризует тщательность и дотошность немцев. *Deutsche Ordnungsliebe* («немецкая любовь к порядку», logDice 10,2) связана с дисциплинированностью. *Deutsche Wertarbeit* («немецкая качественная работа», logDice 9,9) – коллокат, тесно связанный с «экономическим чудом» послевоенной Германии. *Deutsche Effizienz* («немецкая эффективность», logDice 10,5) и *deutsche Präzision* («немецкая точность», logDice 9,9) значительно набирают частотность в XXI в.

Deutsche Pünktlichkeit («немецкая пунктуальность», logDice 9,6) и *deutsche Zuverlässigkeit* («немецкая надежность», logDice 9,4) сохраняют стабильную частотность на протяжении всего периода. Ключевое различие между двумя прилагательными состоит в том, что русским приписываются качества, связанные с «душой» и эмоциями (конститутивная квалиа как эссенция, неизменная сущность), тогда как немцам — качества, связанные с деятельностью, порядком и результатом труда (конститутивная квалиа как поведенческий паттерн и продукт деятельности).

Формальная квалиа, указывающая на внешние, сенсорно воспринимаемые параметры, также демонстрирует устойчивую асимметрию, но уже в объекте формальной квалификации: у *russisch* доминируют антропологические характеристики (35% коллокатов), у *deutsch* — культурные артефакты (13% коллокатов). Формальные коллокаты с *russisch* почти исключительно относятся к антропологическим характеристикам. *Russischer Akzent* («русский акцент», logDice 11,0) представляет слуховую модальность и связан со стереотипными особенностями произношения. *Russische Stimme* («русский голос», logDice 10,5) также относится к слуховому восприятию. *Russisches Gesicht* («русское лицо») — зрительная модальность, logDice 10,2, отражает стереотип внешности. *Russische Backenknochen/Wangenknochen* («русские скулы») — коллокат, отражающий стереотип о якобы «восточной»/«азиатской» внешности русских, особенно частотен в 1910–1920 и 1970–1980 гг. *Russische Pelzmütze* («русская меховая шапка») — коллокат, отражающий стереотип о традиционном головном уборе. *Russische Kirche* («русская церковь») — коллокат, связанный с узнаваемым архитектурным стилем русских православных храмов с луковичными главами.

Формальные коллокаты с *deutsch* чаще репрезентируют культурные артефакты. Коллокат *deutsche Schrift* («немецкий шрифт») отражает зрительную модальность, связанную с готическим письмом (Sütterlin). Его частотность резко снижается после 1945 г. Коллокат *deutsche Sprache* («немецкий язык») связан со слуховой модальностью, является устойчивым на протяжении всего анализируемого периода. *Deutscher Gruß* («нацистское приветствие в виде поднятой руки») также соотносится со зрительной модальностью преимущественно в период национал-социализма в Германии и практически исчезает после 1945 г. *Deutsche Meile* («немецкая миля») представляет измерительную модальность и как историческая единица измерения выходит из употребления в XX в. *Deutsche Art* («немецкий способ») реализует комплексную модальность и представляет собой устойчивый формально-конститутивный коллокат.

Выявленная асимметрия поддается следующей интерпретации: русские в немецком дискурсе формально характеризуются через антропологические параметры (как они выглядят и говорят), тогда как немцы — через культурные артефакты (что они создали и как оформляют свою коммуникацию и пространство). Это отражает различную степень «другости»: чужой этнос воспринимается через телесность и внешние проявления, тогда как свой — через культурные продукты и институциональные формы.

Телическая квалиа в теории генеративного лексикона указывает на назначение, цель или функцию объекта. В применении к этнонимным прилагательным *deutsch* и *russisch* анализ коллокатов выявил устойчивую асимметрию, которая проявляется не только в масштабе приписываемых целей, но и в их оценочной валентности. Для *deutsch* доминируют абстрактные политические макроцели, преимущественно позитивные или нейтральные, тогда как для *russisch* телическая квалиа реализуется через конкретные, часто негативно окрашенные ситуативные понятия.

За весь исследуемый период 1900–2025 гг. телическая квалиа составила 27% всех коллокатов с прилагательным *deutsch* против лишь 9% с *russisch*. У *deutsch* к типичным телическим коллокатам относятся *Frage* («вопрос»), *Einheit* («единство»), *Wiedervereinigung* («воссоединение»), *Teilung* («разделение»), *Interesse* («интерес»), *Beitrag* («вклад»), *Weg* («путь»), *Zukunft* («будущее»). У *russisch* же телическая семантика представлена коллокатами *Gefangenschaft* («плен»), *Feldzug* («поход»), *Exil* («изгнание»), *Bedrohung* («угроза»), *Sanktionen* («санкции»), *Konflikt* («конфликт»), *Krieg*

(«война»). Как видно, если телическая сфера *deutsch* связана с целедостижением, развитием и политическим устройством, то у *russisch* она практически полностью сводится к военно-политическим кризисам и ограничениям.

Диахронический анализ позволяет проследить эволюцию телической квалиа у каждого прилагательного. Для *deutsch* в период Германской империи (1900–1918) телические коллокаты были связаны с *Weltpolitik* («мировая политика»). В Веймарской республике (1919–1932) акцент сместился на саму *Republik* как цель. В эпоху национал-социализма (1933–1945) телическая квалиа приобрела крайние формы – *Lebensraum* («жизненное пространство»), *Endsieg* («окончательная победа»). После 1945 г., в период разделения Германии, доминирующими становятся *deutsche Frage* («немецкий вопрос»), *deutsche Einheit* («немецкое единство») и *deutsche Wiedervereinigung* («немецкое воссоединение»). Наконец, в объединенной Германии (1990–2025) телическая квалиа представлена коллокатами *deutsche Interessen* («немецкие интересы»), *deutscher Beitrag* (особенно *Beitrag zur EU* – «вклад в ЕС»), *deutsche Zukunft* («немецкое будущее») и *deutscher Weg* («немецкий путь»).

У *russisch* динамика иная и более драматичная. В имперский период (1900–1917) встречается коллокат *russische Expansion* («русская экспансия»). После революции (1917–1930) появляется *russische Weltrevolution* («русская мировая революция»). Во время Второй мировой войны и непосредственно после нее (1940–1945) фиксируются *russische Gefangenschaft* («русский плен») и *russischer Feldzug* («русский поход»). Наиболее употребительным коллокатом во время холодной войны являлось сочетание *russische Bedrohung* («русская угроза»), а начиная с 2014 г. увеличивается частотность коллоката с телическими квалиа: *russische Sanktionen* («русские санкции»), *russische Aggression* («русская агрессия»), *russischer Angriffskrieg* («русская захватническая война»), *russische Annexion* («русская аннексия»), *russische Desinformation* («русская дезинформация») и *russische Einflussnahme* («русское вмешательство»).

Сравнивая этнонимные прилагательные с телической квалиа, можно констатировать, что ее развитие у *deutsch* совершается от обозначения имперских устремлений Германии в начале XX в. к проблеме объединения ФРГ и ГДР после Второй мировой войны, последующей европейской интеграции, а также амбициям к содействию разрешения мировых кризисов в период после объединения Германии. У *russisch*, напротив, телическая квалиа на всем протяжении XX – начала XXI в. остается преимущественно негативно окрашенной, а после 2014 г. эта негативность становится доминирующей характеристикой образа России в немецкоязычном дискурсе.

Количественный анализ 100 наиболее частотных коллокатов за весь исследуемый период выявил устойчивую асимметрию в распределении квалиа-структур между двумя этнонимными прилагательными, хотя и с некоторыми количественными изменениями в XXI в. (табл. 1). Для *deutsch* агентивная квалиа составляет 42% от общего числа коллокатов. Типичные коллокаты этого типа включают *Regierung* («правительство»), *Volk* («народ»), *Bürger* («граждане»), *Staat* («государство»), *Reich* («империя/государство»), *Armee* («армия»), *Wirtschaft* («экономика»), *Unternehmen* («предприятия»). Телическая квалиа составляет 27% и представлена коллокатами *Frage* («вопрос»), *Einheit* («единство»), *Wiedervereinigung* («воссоединение»), *Teilung* («разделение»), *Interesse* («интерес»), *Beitrag* («вклад»), *Weg* («путь»), *Zukunft* («будущее»). Конститутивная квалиа занимает 18% с коллокатами *Gründlichkeit* («основательность»), *Ordnung* («порядок»), *Effizienz* («эффективность»), *Qualität* («качество»), *Präzision* («точность»), *Wertarbeit* («качественная работа»). Формальная квалиа составляет 13% и представлена коллокатами *Schrift* («письменность/шрифт»), *Sprache* («язык»), *Gruß* («приветствие»), *Art* («способ/манера»), *Meile* («миля»).

Для *russisch* распределение квалиа-типов существенно иное. Формальная квалиа доминирует с показателем 35%. Типичные коллокаты: *Akzent* («акцент»), *Gesicht* («лицо»), *Backenknochen* («скулы»), *Pelzmütze* (« меховая шапка»), *Kirche* («церковь»), *Stimme* («голос»), *Physiognomie* («физиогномия»). Конститутивная квалиа составляет 34% с коллокатами *Seele* («душа»), *Melancholie*

(«меланхолия»), *Schwermut* («унылость»), *Winter* («зима» как сущностное свойство), *Gastfreundschaft* («гостеприимство»), *Weite* («ширь»), *Mentalität* («менталитет»). Агентивная квалиа занимает 22% и представлена коллокатами *Armee* («армия»), *Zar* («царь»), *Revolution* («революция»), *Regierung* («правительство»), *Staat* («государство»), *Präsident* («президент»). Телическая квалиа составляет 9% с коллокатами *Gefangenschaft* («плен»), *Feldzug* («поход»), *Exil* («изгнание»), *Bedrohung* («угроза»), *Sanktionen* («санкции»), *Konflikt* («конфликт»), *Krieg* («война»). Ключевое наблюдение состоит в том, что для *deutsch* доминируют агентивная и телическая квалиа, тогда как для *russisch* – формальная и конститутивная. Это различие статистически является значимым ($\chi^2 = 19,8, p < 0,001$) и сохраняется на протяжении последних 125 лет.

Таблица 1. Общее распределение квалиа-типов для *deutsch* и *russisch* (1900–2025 гг., топ-100 коллокатов в DWDS)
Table 1. Overall distribution of qualia types for *deutsch* and *russisch* (1900–2025, top 100 collocates in DWDS)

Роль квалиа-структуры	<i>deutsch</i> (% коллокатов)	Типичные коллокаты (<i>deutsch</i>)	<i>russisch</i> (% коллокатов)	Типичные коллокаты (<i>russisch</i>)
Агентивная	42	Regierung, Volk, Bürger, Staat, Reich, Armee, Wirtschaft, Unternehmen	22	Armee, Zar, Revolution, Regierung, Staat, Präsident
Телическая	27	Frage, Einheit, Wiedervereinigung, Teilung, Interesse, Beitrag, Weg, Zukunft	9	Gefangenschaft, Feldzug, Exil, Bedrohung, Sanktionen, Konflikt, Krieg
Конститутивная	18	Gründlichkeit, Ordnung, Effizienz, Qualität, Präzision, Wertarbeit	34	Seele, Melancholie, Schwermut, Winter, Gastfreundschaft, Weite, Mentalität
Формальная	13	Schrift, Sprache, Gruß, Art, Meile	35	Akzent, Gesicht, Backenknochen, Pelzmütze, Kirche, Stimme, Physiognomie
Статистическая значимость	$\chi^2 = 19,8$ $p < 0,001$ (очень высокая статистическая значимость)			

Диахроническая динамика квалиа-структуры этнонимных прилагательных

В период Германской империи (1900–1918) для *deutsch* доминирующей квалиа была агентивная, составляя 50% всех коллокатов. Типичными коллокатами этого времени выступали *Kaiser* («кайзер»), *Reich* («империя»), *Armee* («армия»), *Marine* («военно-морской флот») и *Flotte* («флот»). Исторический контекст данного периода – правление Вильгельма II и Первая мировая война.

В период Веймарской республики (1919–1932) доминирующей оставалась агентивная квалиа (48%), однако наблюдается рост телической квалиа до 18%. Типичные коллокаты сменились на *Republik* («республика»), *Verfassung* («конституция»), *Volk* («народ»), *Parlament* («парламент») и *Partei* («партия»). Это время становления демократии, выплаты репараций и экономического кризиса.

В эпоху национал-социализма (1933–1945) агентивная квалиа достигла максимума (52%), причем с сильной идеологической нагрузкой. Типичными коллокатами стали *Volk* («народ»), *Führer* («фюрер»), *Rasse* («раса»), *Nation* («нация»), *Reich* («государство») и *Bewegung* («движение»). Исторический контекст – национал-социалистическая диктатура, Вторая мировая война и Холокост.

Послевоенный период разделения Германии (1945–1969) ознаменовался резким сдвигом телической квалиа – она стала доминирующей, достигнув 35%. Типичные коллокаты отражали новые реалии: *Frage* («вопрос»), *Teilung* («разделение»), *Einheit* («единство»), *Wiedervereinigung* («воссоединение»), *Grenze* («граница») и *Ostpolitik* («восточная политика»). Это время разделения Германии, холодной войны и «экономического чуда» (*Wirtschaftswunder*).

В разгар холодной войны (1970–1989) доминировали телическая (30%) и конститутивная (20%) квалиа. Типичные коллокаты включали *Ostpolitik* («восточная политика»), *Verhältnis* («отношение»), *Angst* («страх»), *Umwelt* («окружающая среда») и *Identität* («идентичность»). Исторический контекст – политика разрядки, экологическое движение и дискуссии о национальной идентичности.

Период объединения Германии (1990–1999) вновь выдвинул на первый план телическую квалиа (32%). Типичными коллокатами стали *Wiedervereinigung* («воссоединение»), *Einheit* («единство»), *Aufbau* («строительство/восстановление») и *Wende* («поворот/перемены»). Это время объединения Германии и вывода советских войск.

В период реформ (2000–2009) доминировала агентивная квалиа (42%) с ростом конститутивной до 18%. Типичные коллокаты отражали экономическую повестку: *Wirtschaft* («экономика»), *Reform* («реформа»), *Arbeitsmarkt* («рынок труда»), *Export* («экспорт») и *Agenda 2010* (название пакета социально-экономических реформ). Исторический контекст – реформы канцлера Г. Шредера и процессы глобализации.

В период цифровизации и миграции (2010–2019) доминировала агентивная квалиа (40%) с дальнейшим ростом конститутивной до 22%. Типичные коллокаты: *Digitalisierung* («цифровизация»), *Industrie 4.0* («Индустрия 4.0»), *Migration* («миграция»), *Integration* («интеграция») и *Flüchtling* («беженец»). Исторический контекст – миграционный кризис 2015 г. и цифровая трансформация.

Наконец, в период кризисов (2020–2025) доминировали агентивная (38%) и телическая (28%) квалиа. Типичные коллокаты: *Corona* («корона»), *Pandemie* («пандемия»), *Krise* («кризис»), *Impfung* («вакцинация»), *Energie* («энергия»), *Sicherheit* («безопасность») и *Zeitenwende* («поворотная эпоха /смена времен»). Исторический контекст – пандемия COVID-19, энергетический кризис и «*Zeitenwende*» («смена эпох, коренной перелом» – термин, использованный в 2022 г. канцлером О. Шольцем и обозначающий отказ от прежней политики Германии и начало новой, непредсказуемой эры).

Для *russisch* динамика квалиа-структур существенно иная. В период Российской империи (1900–1917) доминировали агентивная (35%) и формальная (30%) квалиа. Типичными коллокатами выступали *Zar* («царь»), *Reich* («империя»), *Hof* («двор»), *Kosaken* («казаки»), *Adel* («дворянство») и *Armee* («армия»). Исторический контекст – последние годы империи, русско-японская война и революция 1905 г.

В период революции и Гражданской войны (1917–1930) доминировала агентивная квалиа (40%), но уже с революционной окраской. Типичные коллокаты: *Revolution* («революция»), *Bolschewismus* («большевизм»), *Sowjet* («совет»), *Kommunismus* («коммунизм») и *Lenin* («Ленин»). Это время Октябрьской революции, Гражданской войны и становления СССР.

В 30-е годы XX в., во время Второй мировой войны и первых послевоенных лет (1930–1950) доминировали формальная (35%) и конститутивная (30%) квалиа. Типичными коллокатами стали *Winter* («зима»), *Armee* («армия»), *Feldzug* («поход»), *Seele* («душа»), *Steppe* («степь») и *Kälte* («холод»). Исторический контекст – сталинские репрессии, Вторая мировая война, а также формирование стереотипов «русской души» и «русской зимы» в западном сознании.

В период холодной войны и романтизации русской культуры (1950–1970) доминировала конститутивная квалиа, достигнув 40%. Типичные коллокаты: *Seele* («душа»), *Literatur* («литература»), *Kunst* («искусство»), *Melancholie* («меланхолия»), а также имена *Dostojewski*, *Tolstoi* и

Schostakowitsch. Это время холодной войны, но одновременно и романтизации русской культуры на Западе.

В период позднего СССР (1970–1990) доминировали конститутивная (35%) и формальная (30%) квалиа. Типичные коллокаты: *Seele* («душа»), *Winter* («зима»), *Akzent* («акцент»), *Gesicht* («лицо»), *Dissident* («диссидент») и *Menschenrecht* («права человека»). Исторический контекст – брежневский «застой», диссидентское движение и перестройка.

В постсоветский период (1990–1999) доминировала конститутивная квалиа (32%) с заметным ростом агентивной до 25%. Типичные коллокаты: *Seele* («душа»), *Tradition* («традиция»), *Kultur* («культура»), *Reform* («реформа»), *Demokratie* («демократия») и *Marktwirtschaft* («рыночная экономика»). Это время распада СССР и перехода к демократии и рыночной экономике.

В период энергетического партнерства (2000–2013) доминировали формальная (32%) и конститутивная (30%) квалиа при росте агентивной до 28%. Типичные коллокаты: *Präsident Putin* («президент Путин»), *Gazprom* («Газпром»), *Energie* («энергия»), *Gas* («газ»), *Pipeline* («трубопровод»), *Ostsee* («Балтийское море») и *Partnerschaft* («партнерство»). Исторический контекст – энергетическое сотрудничество Германии и России, «партнерство модернизации».

В период после событий на Украине в 2014 г. и введения антироссийских санкций (2014–2021) произошел драматический сдвиг: телическая квалиа выросла с 10% до 25%. Типичные коллокаты: *Annexion* («аннексия»), *Krim* («Крым»), *Sanktionen* («санкции»), *Konflikt* («конфликт»), *Desinformation* («дезинформация») и *Einflussnahme* («вмешательство»).

Наконец, с началом вооруженного конфликта на Украине в 2022 г., разрывом экономических связей и энергетическим кризисом наблюдается радикальный сдвиг: телическая квалиа достигла 35%, сравнявшись с формальной. Типичные коллокаты этого периода: *Angriffskrieg* («агрессивная/захватническая война»), *Invasion* («вторжение»), *Kriegsverbrechen* («военные преступления»), *Isolation* («изоляция»), *Embargo* («эмбарго»), *Gaslieferstopp* («остановка поставок газа») и *Nord Stream* («Северный поток»).

Таким образом, диахронический анализ показывает, что квалиа-структуры обоих прилагательных претерпевают значительные изменения именно в периоды исторических катастроф и геополитических сдвигов. Для *deutsch* ключевой точкой бифуркации стал 1945 г., после которого телическая квалиа, связанная с «немецким вопросом» и объединением, вышла на первый план. Для *russisch* такими точками стали 1917 г. (смена имперской агентивной квалиа на революционную), 1930–1950 гг. (формирование стереотипов «русской души» и «русской зимы»), 1991 г. (распад СССР) и, наиболее драматично, 2014 г. (начало роста негативной телической квалиа) и 2022 г. (ее доминирование наряду с формальной квалиа).

Диахронический анализ с использованием инструмента DiaCollo позволил зафиксировать существенные сдвиги в квалиа-структурах обоих прилагательных, приуроченные к ключевым историческим переломам (табл. 2). Мировые войны, революции, распад государств и геополитические кризисы перестраивают дискурсивные профили «своего» и «чужого». Особенно показательными являются точки бифуркации 1945 г. для *deutsch* и 2014–2022 гг. для *russisch*.

Частотная динамика употребления этнонимных прилагательных в период 1900–2025 гг.

Анализ кривых частотности выявляет различную динамику употребления *deutsch* и *russisch* в период 1900–2025 гг. Кривая частотности *deutsch* демонстрирует следующие особенности. В 1900–1918 гг. отмечается стабильно высокая частотность (120–140 на млн слов), что отражало центральную роль национального дискурса в Германской империи. В 1919–1932 гг. наблюдается небольшое снижение (110–130 на млн слов) в период Веймарской республики. В 1933–1945 гг. фиксируется новый пик частотности (140–160 на млн слов) с максимумом в 1939–1942 гг., связанный с национал-социалистической мобилизацией. В 1946–1969 гг. происходит резкое снижение (90–110 на млн слов) с минимумом в конце 1950-х гг., отражающее травматический разрыв

Таблица 2. Диахроническая динамика доминирующих квалиа (1900–2025 гг., DiaCollo)
Table 2. Diachronic dynamics of dominant qualia (1900–2025, DiaCollo)

Период	Доминирующая квалиа в <i>deutsch</i>	Типичные коллокации с <i>deutsch</i>	Доминирующая квалиа в <i>russisch</i>	Типичные коллокации с <i>russisch</i>
1900 – 1918	Агентивная (50%)	Kaiser, Reich, Armee, Marine, Flotte	Агентивная (35%), формальная (30%)	Zar, Reich, Hof, Kosaken, Adel, Armee
1919 – 1932	Агентивная (48%), рост телической (18%)	Republik, Verfassung, Volk, Parlament, Partei	Агентивная (40%)	Revolution, Bolschewismus, Sowjet, Kommunismus, Lenin
1933 – 1945	Агентивная (52%)	Volk, Führer, Rasse, Nation, Reich, Bewegung	Формальная (35%), конститутивная (30%)	Winter, Armee, Feldzug, Seele, Steppe, Kälte
1945 – 1969	Телическая (35%)	Frage, Teilung, Einheit, Wiedervereinigung, Grenze, Ostpolitik	Конститутивная (40%)	Seele, Literatur, Kunst, Melancholie, Dostojewski, Tolstoi, Schostakowitsch
1970 – 1989	Телическая (30%), Конститутивная (20%)	Ostpolitik, Verhältnis, Angst, Umwelt, Identität	Конститутивная (35%), формальная (30%)	Seele, Winter, Akzent, Gesicht, Dissident, Menschenrecht
1990 – 1999	Телическая (32%)	Wiedervereinigung, Einheit, Aufbau, Wende	Конститутивная (32%), рост агентивной (25%)	Seele, Tradition, Kultur, Reform, Demokratie, Marktwirtschaft
2000 – 2009	Агентивная (42%), рост конститутивной (18%)	Wirtschaft, Reform, Arbeitsmarkt, Export, Agenda 2010	Формальная (32%), конститутивная (30%)	Präsident Putin, Gazprom, Energie, Gas, Pipeline, Ostsee, Partnerschaft
2010 – 2019	Агентивная (40%), рост конститутивной (22%)	Digitalisierung, Industrie 4.0, Migration, Integration, Flüchtling	Формальная (32%), конститутивная (30%), рост телической (25%)	Annexion, Krim, Sanktionen, Konflikt, Desinformation, Einflussnahme
2020 – 2025	Агентивная (38%), телическая (28%)	Corona, Pandemie, Krise, Impfung, Energie, Sicherheit, Zeitenwende	Формальная (35%), телическая (35%)	Angriffskrieg, Invasion, Kriegsverbrechen, Isolation, Embargo, Gaslieferstopp, Nord Stream

с националистическим дискурсом. В 1970–1989 гг. наблюдается постепенный рост (100–120 на млн слов) в связи с новыми дискуссиями о национальной идентичности. В 1990–1999 гг. достигается новый пик (130–150 на млн слов) в связи с объединением Германии. В 2000–2009 гг. отмечается стабилизация (110–130 на млн слов), отражавшая период относительной политико-экономической нормализации. В 2010–2019 гг. замечен постепенный рост (120–140 на млн слов), связанный с миграционным кризисом и дискуссиями о «немецкой культуре» и «немецких ценностях». В 2020–2025 гг. фиксируется новый значительный пик частотности (140–160 на млн слов) в связи с кризисным дискурсом (пандемия, энергетический кризис, смена эпох). Пики частотности *deutsch* коррелируют с периодами национальной мобилизации и кризисов. Согласно М. Стаббсу, такие частотные пики не являются статистическим артефактом, а служат объективным индикатором того, что данная лексема становится ключевой для конструирования коллективной идентичности в дискурсе [19].

Кривая частотности *russisch* демонстрирует более драматическую динамику. В 1900–1917 гг. наблюдается стабильно низкая частотность (30–40 на млн слов), что отражает периферийное положение России в немецком дискурсе до Первой мировой войны. В 1917–1922 гг. фиксируется резкий пик частотности (50–70 на млн слов) в связи с революцией в России и западной интервенцией. В 1923–1939 гг. отмечается снижение до минимальных значений (25–35 на млн слов) в период относительной стабилизации отношений. В 1940–1945 гг. возникает новый пик частотности (80–100 на млн слов) в связи с войной против СССР. В 1946–1985 гг. наблюдается длительный период низкой частотности (20–30 на млн слов), что отражает табуирование советской тематики в западногерманском дискурсе холодной войны. В 1985–1991 гг. замечен

рост частотности (40–60 на млн слов) в связи с перестройкой и распадом СССР. В 1992–1999 гг. фиксируется стабилизация (35–45 на млн слов). Напротив, в 2000–2013 гг. отмечается умеренный рост (45–65 на млн слов) в связи с энергетическим сотрудничеством и «партнерством модернизации». В 2014–2019 гг. достигается новый пик частотности (70–90 на млн слов) в связи с событиями на Украине после 2014 г. В 2020–2021 гг. наблюдается временный спад (50–60 на млн слов) в связи с фокусом на пандемии и в 2022–2025 гг. фиксируется самый высокий пик частотности за всю историю наблюдений (120–150 на млн слов) в связи с украинским кризисом, что является беспрецедентным для мирного времени и сопоставим с пиками употребления *deutsch* в периоды мировых военных конфронтаций.

Частотный анализ кривых с помощью корпусного инструмента *Verlaufskurven* позволил проследить, как менялась интенсивность обсуждения Германии и России в немецкоязычном дискурсе на фоне исторических событий. Как видно из табл. 3, частотность употребления этнонимного прилагательного *deutsch* стабильно выше и демонстрирует пики в периоды мобилизаций общества перед надвигающимися опасностями, тогда как частотность прилагательного *russisch* в целом ниже, но крайне чувствительна к кризисам. Ее максимальное значение за последние 125 лет зафиксировано в 2022–2025 гг. и сопоставимо с пиками употребления *deutsch* в годы мировых войн.

Таблица 3. Частотная динамика употребления *deutsch* и *russisch* (1900–2025 гг., *Verlaufskurven*, упоминаний на млн слов)
Table 3. Frequency dynamics of the use of *Deutsch* and *Russisch* (1900–2025, *Verlaufskurven*, mentions per million words)

Период	Частотность <i>deutsch</i> (случаев на млн. слов)	Динамика и контекст <i>deutsch</i>	Частотность <i>russisch</i> (случаев на млн. слов)	Динамика и контекст <i>russisch</i>
1900–1918	120–140	Стабильно высокая (Германская империя)	30–40	Низкая (периферийное положение России)
1917–1922	110–130	Небольшое снижение (Веймар)	50–70	Резкий пик (революция в России)
1923–1939	110–130	Стабилизация	25–35	Снижение до минимума
1933–1945	140–160	Пик (нацистская мобилизация)	80–100	Пик (война против СССР)
1946–1969	90–110	Резкое снижение (травматический разрыв с нацистским прошлым)	20–30	Длительный минимум (холодная война)
1970–1989	100–120	Постепенный рост	20–30	Остается низкой
1985–1991	100–120	Стабильность	40–60	Рост (перестройка, распад СССР)
1990–1999	130–150	Новый пик (объединение Германии)	35–45	Стабилизация
2000–2009	110–130	Нормализация	45–65	Умеренный рост (энергопартнерство)
2010–2019	120–140	Рост (миграционный кризис)	70–90	Пик (события на Украине после 2014 г.)
2020–2021	130–150	Высокая (пандемия)	50–60	Временный спад (фокус на COVID-19)

Выявленная в ходе корпусно-статистического анализа дискурсивная асимметрия квалиа-структур этнонимных прилагательных *deutsch* и *russisch* отражает фундаментальное различие

в дискурсивном конструировании «своего» и «чужого» этноса в немецкоязычном дискурсе на протяжении 1900–2025 гг. Это различие носит не случайный или конъюнктурный характер, а является устойчивым и воспроизводимым на протяжении более чем столетия, несмотря на все исторические катаклизмы и геополитические сдвиги.

Для «своего» этноса (*deutsch*) характерен комплекс взаимосвязанных дискурсивных параметров. Доминирующей квалиа здесь выступает агентивная (42% коллокатов), отвечающая на вопрос «Кто мы есть?», что подразумевает активную субъектную позицию. Тип приписываемых качеств – институциональный и деятельностный: немцы описываются через государственные институты (*Regierung, Staat*), экономическую активность (*Wirtschaft, Unternehmen*) и гражданское общество (*Bürger, Volk*). Временная перспектива в случае с этнонимным прилагательным *deutsch* является преимущественно исторической и направленной в будущее (телическая квалиа, 27%): центральными темами становятся «немецкий вопрос», единство, воссоединение Германии, европейская интеграция. Агентность немцев в дискурсе – это агентность субъекта действия, который сам определяет свою судьбу и принимает решения. Оценочная валентность высказываний с *deutsch* в целом умеренно-положительная или нейтральная, за исключением краткого периода национал-социализма, когда автостереотип был гипертрофирован в сторону агрессивного национализма.

Для «чужого» этноса (*russisch*) картина принципиально иная. Доминирующими квалиа здесь выступают конститутивная (34%) и формальная (35%), которые отвечают на вопрос «Какие они?» и фиксируют внешние, сенсорно воспринимаемые параметры. Тип приписываемых качеств – эмоциональный и телесный: русские описываются через «душу» (*Seele*), меланхолию, унылость, а также через внешность (*Gesicht, Backenknochen*), акцент и традиционные одежду, прежде всего головные уборы. Временная перспектива, связанная с этнонимным прилагательным *russisch*, носит вневременной, эссенциалистский характер: русские предстают как носители неизменных сущностных характеристик («русская душа», «русская зима», «русская ширь»), которые не зависят от исторических эпох и политических режимов. Данный механизм эссенциализации подробно описан в когнитивной лингвистике Дж. Лакоффа как эффект «типичности» и «прототипной категоризации», при котором этническая группа сводится к нескольким ярким, но часто поверхностным признакам [20]. Агентность русских в дискурсе – это, как правило, агентность объекта наблюдения и описания, а не активного субъекта исторического действия. Оценочная валентность поляризована: в периоды относительной нормализации отношений (1950–1990, 2000–2013) преобладают романтизация и экзотизация, тогда как в периоды конфликтов (1917–1922, 1940–1945, 2014–2025) доминируют демонизация и негативная телическая квалиа (угрозы, санкции, агрессия, война).

Учет дискурсивной асимметрии этнонимных прилагательных *deutsch* и *russisch* помогает авторам текстов конструировать образ «чужого» в рамках европейского культурного пространства, когда различия гиперболизируются и эссенциализируются. Аналогичные механизмы конструирования «чужого» через исключение и экзотизацию описываются в работах по критическому дискурс-анализу применительно к миграционным процессам в Европе [21]. Это свидетельствует о фундаментальной перестройке всего дискурсивного образа России в немецкоязычном пространстве: из объекта наблюдения и носителя «загадочной души» Россия превратилась в субъект военной угрозы и геополитического вызова.

Важно подчеркнуть, что выявленная асимметрия квалиа-структур не является статичной – она эволюционирует под влиянием исторических событий, причем точки бифуркации для двух прилагательных различаются. Для *deutsch* ключевыми точками бифуркации стали 1945 г., когда после краха нацистского режима произошел резкий рост телической квалиа, связанной с «немецким вопросом» и разделением страны, а также 1990 г., когда телическая квалиа переориентировалась с объединения на европейскую интеграцию.

Доминирование агентивной и телической квалиа в этнонимном прилагательном *deutsch* конструирует образ немцев как активных субъектов истории, которые ставят цели, принимают решения и несут ответственность за свое будущее. В случае с *russisch* длительное доминирование конститутивной и формальной квалиа конструировало образ русских как объекта наблюдения и носителя неизменных сущностных характеристик, а после 2014 г. к этому добавилось доминирование негативной телической квалиа, конструирующее образ России как угрозы.

Аналогично тому, как раскрытие внутренней формы и этимологии фразеологизмов способствует не только эффективному усвоению, но и углубленному пониманию немецкого языка в контексте его исторического развития [22, с. 267], анализ квалиа-структур этнонимных прилагательных способствует пониманию того, как немецкий дискурс конструирует образ «другого» и как этот образ трансформируется под влиянием исторических событий. Показательно, что даже в периоды интенсивного сотрудничества и позитивной германо-российской повестки (энергетическое партнерство 2000–2013 гг.) глубинная квалиа-структура *russisch* сохраняла доминирование формальной и конститутивной квалиа, т.е. Россия продолжала описываться через «экзотику» (« меховая шапка», «душа», «зима»), а не через институциональные или деятельностные характеристики. Это говорит о том, что асимметрия имеет не столько идеологическую, сколько глубинную когнитивную и культурную природу, коренящуюся в устойчивых моделях восприятия «чужого» в немецком языковом сознании.

Таким образом, проведенное исследование позволило не только провести статистический анализ, но и описать асимметрию квалиа-структур немецких этнонимных прилагательных *russisch* и *deutsch*. Выявленная асимметрия отражает глубинные дискурсивные механизмы конструирования «своего» и «чужого», которые сохраняют свою устойчивость на протяжении более чем века, несмотря на смену политических режимов, идеологий и геополитических конфигураций.

Заключение

Проведенное корпусно-статистическое исследование квалиа-структур этнонимных прилагательных *deutsch* и *russisch* с использованием трех инструментов DWDS (Wortprofil, DiaCollo, Verlaufskurven) за период 1900–2025 гг. позволяет сделать ряд выводов, имеющих значение как для теории генеративной лексики, так и для дискурс-анализа и межкультурной коммуникации.

Первым и наиболее важным выводом является выявление устойчивой асимметрии квалиа-структур между двумя прилагательными. Для *deutsch* доминируют агентивная (42%) и телическая (27%) квалиа, тогда как для *russisch* – формальная (35%) и конститутивная (34%). Это различие статистически значимо на протяжении всего периода наблюдений ($\chi^2 = 19,8$, $p < 0,001$) и не является конъюнктурным или идеологически обусловленным лишь в отдельные эпохи, а представляет собой глубинную, воспроизводимую характеристику немецкого дискурса о «своем» и «чужом».

Второй вывод касается семантической специфики конститутивной квалиа, которая обнаруживает наиболее яркую асимметрию. Прилагательному *russisch* приписываются преимущественно эмоционально-ментальные качества, в то время как прилагательному *deutsch* приписываются деятельностно-нормативные качества. Таким образом, если русские в немецкоязычном дискурсе наделяются эссенциальными, неизменными характеристиками, связанными с «душой» и эмоциями, то немцы – поведенческими паттернами и результатами их деятельности.

Третий вывод относится к формальной квалиа, которая различается по объекту описания. У прилагательного *russisch* формальная квалиа связана с антропологическими характеристиками, а прилагательное *deutsch* ассоциируется скорее с культурными артефактами.

Четвертый вывод касается диахронической динамики. Квалиа-структуры обоих прилагательных претерпевают значительные изменения в периоды исторических катастроф и геополитических сдвигов. Для *deutsch* ключевыми точками бифуркации стали 1945 г. (рост телической

квалиа, связанной с «немецким вопросом») и 1990 г. (переориентация телической квалиа с объединения Германии на европейскую интеграцию). В XXI в. добавились точки 2015 г. (миграционный кризис, рост конститутивной квалиа) и 2020 г. (пандемия, рост телической квалиа). Для *russisch* ключевыми точками бифуркации стали 1917 г. (смена агентивной квалиа с имперской на революционную), 1930–1950 гг. (формирование стереотипа «русской души» и «русской шири, зимы»), 1991 г. (распад СССР), 2014 г. (начало роста негативной телической квалиа) и 2022 г. (доминирование негативной телической квалиа, достигшей 35% и сравнявшейся с формальной).

Пятый вывод относится к частотной динамике. Частотность употребления *deutsch* стабильно выше и демонстрирует пики в периоды глобальных политических событий, в которые непосредственно вовлечена Германия (1933–1945, 1990–1999, 2022–2025). Частотность употребления *russisch* в целом ниже, но крайне чувствительна к кризисам. Ее максимальное значение за 125 лет зафиксировано в 2022–2025 гг. (120–150 упоминаний на млн слов), что сопоставимо с пиками употребления прилагательного *deutsch* в годы мировых войн и свидетельствует о фундаментальной перестройке немецкоязычного дискурса.

Шестой вывод носит теоретико-интерпретационный характер. Выявленная асимметрия отражает глубинные дискурсивные механизмы конструирования «своего» и «чужого» в немецком языковом сознании. Для «своего» (*deutsch*) характерны агентность, историческая перспектива, институциональные и деятельностные характеристики. Для «чужого» (*russisch*) – объектность, вневременная эссенциализация, эмоциональные и телесные характеристики. Эта асимметрия сохраняется на протяжении более чем века, несмотря на смену политических режимов, идеологий и геополитических конфигураций.

Таким образом, результаты исследования показывают, как контекст и дискурс активируют разные квалиа-роли у одного и того же коллоката. Кроме того, работа обогащает практики дискурс-анализа статистическими процедурами раскрытия конкретных языковых механизмов конструирования «своего» и «чужого», которые ранее описывались преимущественно на качественном уровне.

Перспективы дальнейших исследований включают расширение корпусной базы за счет включения других европейских языков для выявления общих и специфических паттернов конструирования образа России и Германии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сухарева К.А. Функционирование этнонима «Deutsche»: анализ корпусных данных // Проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. 2015. № 4–8 (13). С. 133–135.
2. Баталов А.А., Никашина Н.В. Определяющие параметры единиц речевого этикета // Вестник РУДН, серия Лингвистика. 2013. № 1. С. 12–20.
3. Власова Е.Д. Анализ лексико-семантических полей в политическом дискурсе о международном вооружённом конфликте в Сирии (на материале русского и французского языков) // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2023. № 4. С. 104–119. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-4-104-119
4. Chen W. Lexicography, discourse and power: Uncovering ideology in the bilingualization of a monolingual English dictionary in China // Pragmatics and Society. 2017. Vol. 8 (4). С. 601–629. DOI: 10.1075/ps.8.4.06che.
5. Evans V., Green M. Cognitive Linguistics: An Introduction. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006. 830 p.
6. Incelli E.A. The discourse of eco-cities as an ethical commitment: A comparative study in English specialized domains 2020 // Lingue Linguaggi. 2020. Vol. 34. P. 99–118. DOI: 10.1285/i22390359v34p99

7. **Chen Y., Jia H.** A Corpus-Based Critical Discourse Analysis of COP 26 in Chinese and Western Media // ICBDE '22: Proceedings of the 5th International Conference on Big Data and Education. New York: Association for Computing Machinery, 2022. С. 379–386. DOI: 10.1145/3524383.3524418
8. **Szczyrbak M.** More than (Just) Words: Legal and Non-Legal Narratives in the Courtroom and Beyond / ed. by M. Szczyrbak. Berlin: De Gruyter Mouton, 2025. 320 p.
9. **Hutton C.** Language, Meaning and the Law. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009. 256 p.
10. **Филясова Ю.А.** Репрезентация эмотивных коннотаций английских новостных заголовков при переводе на русский язык // Вопросы современной лингвистики. 2023. № 4. С. 87–101. DOI: 10.18384/2949-5075-2023-4-87-101
11. **Freixa J.** Causes of denominative variation in terminology: A typology proposal // Terminology. International Journal of Theoretical and Applied Issues in Specialized Communication. 2006. Vol. 12, No. 1. P. 51–77.
12. **Pustejovsky J.** The Generative Lexicon. Cambridge, MA: MIT Press, 1995. 298 p.
13. **Корышев М.В., Хохлова М.В.** Именованные сущности в немецкоязычной прессе: корпусный и экспертный анализ // Terra Linguistica. 2025. Т. 16. № 4. С. 59–73. DOI: 10.18721/JHSS.16404
14. **Sikorskii S., Carrio-Pastor M.L.** Enhancing LLM Interpretation of Appraisals in Spanish Digital Discourse // Terra Linguistica. 2025. Т. 16. № 4. С. 159–184. DOI: 10.18721/JHSS.16410
15. **Гагарин С.Н.** Базовые методики анализа языковых картин политики с помощью языка программирования Python и библиотеки NLTK (на материалах корпусов британского парламентского дискурса) // Филологические науки в МГИМО. 2024. № 10(2). С. 125–140. DOI: 10.24833/2410-2423-2024-2-39-125-140
16. **Шевякова К.В.** Языковая актуализация глубинной семантики немецких отэтнонимных прилагательных // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16, № 7. С. 2173–2178. DOI: 10.30853/phil20230346
17. **Глушак В.М.** Реализация квалификационных структур в немецком языке посредством относительных прилагательных и композитов // Филологические науки в МГИМО. 2021. Т. 7, № 5 (29). С. 16–23. DOI: 10.24833/2410-2423-2021-5-29-16-23
18. **Wierzbicka A.** Understanding Cultures through Their Key Words: English, Russian, Polish, German, Japanese. Oxford: Oxford University Press, 1997. 328 p.
19. **Stubbs M.** Text and Corpus Analysis: Computer-Assisted Studies of Language and Culture. Oxford: Blackwell, 1996. 288 p.
20. **Lakoff G.** Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind. Chicago: University of Chicago Press, 1987. 632 p.
21. **Krzyżanowski M., Wodak R.** The politics of exclusion: Debating migration in Austria // Critical Discourse Studies. 2009. Vol. 6, No. 1. P. 5–18. DOI: 10.4324/9781315133959
22. **Яковлева Е.А.** История возникновения немецких фразеологических единиц с временным компонентом и анализ частотности их употребления в диахроническом аспекте (на примере исторического и современного подкорпусов корпуса немецкого языка DWDS-Corpus) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2025. № 8. С. 266–274. DOI: 10.37882/2223-2982.2025.08.49

REFERENCES

- [1] **Sukhareva K.A.**, Funktsionirovaniye etnonima «Deutsche»: analiz korpusnykh dannykh [Functioning of the ethnonym “Deutsche”: A corpus data analysis], Eurasian Union of Scientists, 4–8 (13) (2015) 133–135.
- [2] **Batalov A.A., Nikashina N.V.**, Determining Parameters of Speech Etiquette Units, Russian Journal of Linguistics, 1 (2013) 12–20.
- [3] **Vlasova E.D.**, Lexical and semantic correspondence in political discourse on international armed conflicts. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22, Teorija Perevoda – Lomonosov Translation Studies Journal, 4 (2003) 104–119. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-4-104-119

- [4] **Chen W.**, Lexicography, discourse and power: Uncovering ideology in the bilingualization of a monolingual English dictionary in China, *Pragmatics and Society*, 8 (4) (2017) 601–629. DOI: 10.1075/ps.8.4.06che9
- [5] **Evans V., Green M.**, *Cognitive linguistics: An introduction*, Edinburgh University Press, Edinburgh, 2006.
- [6] **Incelli E.A.**, The discourse of eco-cities as an ethical commitment: A comparative study in English specialized domains, *Lingue Linguaggi*, 34 (2020) 99–118. DOI: 10.1285/i22390359v34p99
- [7] **Chen Y., Jia H.**, A Corpus-Based Critical Discourse Analysis of COP 26 in Chinese and Western Media, ICBDE '22: Proceedings of the 5th International Conference on Big Data and Education, Association for Computing Machinery, New York, 2022, pp. 379–386. DOI: 10.1145/3524383.3524418
- [8] **Szczyrbak M.**, (Ed.). *More than (Just) Words: Legal and Non-Legal Narratives in the Courtroom and Beyond*, De Gruyter Mouton, Berlin, 2025.
- [9] **Hutton C.**, *Language, meaning and the law*, Edinburgh University Press, Edinburgh, 2009.
- [10] **Filyasova Yu.A.**, Representation of English News Headlines Emotive Connotations in Russian Translation, *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 4 (2023) 87–101. DOI: 10.18384/2949-5075-2023-4-87-101
- [11] **Freixa J.**, Causes of denominative variation in terminology: A typology proposal, *Terminology. International Journal of Theoretical and Applied Issues in Specialized Communication*, 12 (1) (2006) 51–77.
- [12] **Pustejovsky J.**, *The generative lexicon*, MIT Press, Cambridge, 1995.
- [13] **Koryshev M.V., Khokhlova M.V.**, Named Entities in the German-Language Press: Corpus and Expert Analysis, *Terra Linguistica*, 16 (4) (2025) 59–73. DOI: 10.18721/JHSS.16404
- [14] **Sikorskii S., Carrio-Pastor M.L.**, Enhancing LLM Interpretation of Appraisals in Spanish Digital Discourse, *Terra Linguistica*, 16 (4) (2025) 159–184. DOI: 10.18721/JHSS.16410
- [15] **Gagarin S.N.**, Getting a handle on a Hansard with Python and NLTK, or how to tame the linguistic picture of British politics with NLP. *MGIMO Journal of Language Research and Teaching*, 10 (2) (2024) 125–140. DOI: 10.24833/2410-2423-2024-2-39-125-140
- [16] **Shevyakova K.V.**, Language actualization of the deep semantics of German ethnonym-based adjectives, *Philology. Theory & Practice*, 16 (7) (2023) 2173–2178. DOI: 10.30853/phil20230346
- [17] **Glushak V.M.**, Implementation of qualia structures provided by relative adjectives and composites in German. *MGIMO Journal of Language Research and Teaching*, 7 (5) (2021) 16–23. DOI: 10.24833/2410-2423-2021-5-29-16-23
- [18] **Wierzbicka A.**, *Understanding cultures through their key words: English, Russian, Polish, German, Japanese*, Oxford University Press, Oxford, 1997.
- [19] **Stubbs M.**, *Text and corpus analysis: Computer-assisted studies of language and culture*, Blackwell, Oxford, 1996.
- [20] **Lakoff G.**, *Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind*. University of Chicago Press, Chicago, 1987.
- [21] **Krzyżanowski M., Wodak R.**, The politics of exclusion: Debating migration in Austria, *Critical Discourse Studies*, 6 (1) (2009) 5–18. DOI: 10.4324/9781315133959
- [22] **Yakovleva E.A.**, History of the Origin of German Phraseological Units with a Temporal Component and Analysis of the Frequency of Their Use in the Diachronic Aspect (on the Example of the Historical and Modern Sub-corpus of the German Language Corpus DWDS-corpus), *Modern Science: actual problems of theory & practice. Series: Gumanitarnye nauki [Humanities]*, 8 (2025) 266–274. DOI: 10.37882/2223-2982.2025.08.49

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

Глушак Василий Михайлович

Vasily M. Glushak

E-mail: glushakvm@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0193-8071>

Поступила: 20.04.2026; Одобрена: 10.06.2026; Принята: 22.06.2026.

Submitted: 20.04.2026; Approved: 10.06.2026; Accepted: 22.06.2026.